

СПАСИ МЕНЯ,
ВАЛЬС

ЗЕЛЬДА
ФИЦДЖЕРАЛЬД

Зельда Фицджеральд Спаси меня, вальс

Издательский текст
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=6714923
Спаси меня, вальс: АСТ; М.; 2014
ISBN 978-5-17-083186-9

Аннотация

«Спаси меня, вальс» – единственный роман, написанный Зельдой Фицджеральд. В пику своему мужу, который работал над рукописью «Ночь нежна» в течение нескольких лет, она создала его за полтора месяца.

Во многом роман носит автобиографический характер, позволяя увидеть великого Фицджеральда за работой, на отдыхе, в кругу семьи. Однако литературная ценность этой книги заключается не только в этом. Перед нами – живая, трогательная история «светской львицы» 1920-х, в судьбе которой отразилась целая эпоха.

Содержание

От переводчика	4
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	7
I	7
II	18
III	26
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	36
I	36
Конец ознакомительного фрагмента.	43

Зельда Фицджеральд

Спаси меня, вальс

От переводчика

*«Я влюблен в ураган... Но я влюблен!
Я люблю ее, я люблю ее, я ее люблю!»*

Ф.С. Фицджеральд. Дневник

Зельда Фицджеральд (1900–1947), жена Фрэнсиса Скотта Фицджеральда (с 1920 г.), родилась в небольшом южном городе Монтгомери, штат Алабама. Она была шестым ребенком в семье, и назвали девочку в честь цыганки из романа, который во время беременности читала ее немного взбалмошная мать. Словно оправдывая свое необычное имя, Зельда никогда не была тихой, застенчивой, скромной, добропорядочной южанкой, словом, она не была и не хотела быть как все. Своевольная девушка наверняка вызывала ужас у соседей, но она была красивой, на редкость раскрепощенной, в ней бурлила кровь, и вокруг нее толпой вились юноши и мужчины из располагавшегося рядом военного лагеря. При этом она была практичной и не собиралась вести нищенскую жизнь, даже ради брака по любви. И Фрэнсису Скотту Фицджеральду, бросившему университет ради армии и армию то ли ради Зельды, то ли ради писательства, то ли ради Зельды и писательства вместе, пришлось ехать домой и засесть за роман, начатый еще в колледже, который получил название «По эту сторону рая» (1920). Как говорится, наутро после выхода книги в свет Ф.С. Фицджеральд проснулся богатым и знаменитым и помчался к возлюбленной – снова предлагать ей руку и сердце. Не скупавшая в его отсутствие, однако пока еще свободная, Зельда с готовностью приняла предложение, родители тоже больше возражать не стали, и молодые зажили в соответствии с начинавшимся новым временем, в котором они изо всех сил стремились стать самыми модными, самыми успешными, самыми узнаваемыми.

Двадцатые годы двадцатого века в Америке называют временем джаза, в Европе – временем потерянного поколения. Послевоенная молодежь не желала повторять жизненный путь своих родителей, осознав, что в их мире не было ничего такого, за что стоило бы держаться, раз в нем случилась кровопролитная война. Из этого постулата молодые мужчины и женщины сделали главный вывод: война может повториться, и нельзя откладывать на завтра удовольствия, которым можно предаться немедленно. Молодым людям не было дела до морали и условностей, коли они не спасали от войны и смерти! Для них не существовало ничего стабильного, что помогало бы удерживаться в рамках здравого смысла и не гнаться безостановочно за нарочитой экстравагантностью, сметая на своем пути не только внешние, но и внутренние устои, что, к несчастью, приводило к страшным зависимостям, истощавшим и талант, и здоровье, и кошелек. Для Фицджеральдов это было веселье без удержу и напказ, потому что все происходившее с ними тотчас попадало или в газеты, или по крайней мере в городской фольклор. Они были первыми в умении эпатировать и постоянно оставаться на виду. Наверное, поначалу им это нравилось, потом, судя по всему, нравиться перестало – захотелось больше творчества и меньше шума, но добровольно выскочить из затянувшейся круговерти не удалось.

Соперничая со знаменитым мужем, женские образы которого списаны с нее и ее прославили, Зельда пыталась рисовать, писать, занималась танцами. В 1930 г., когда с ней случился первый приступ болезни, она написала три рассказа и балетное либретто, а за шесть

недель в январе – феврале 1932 года – роман «Спаси меня, вальс», как известно, «на зависть» мужу, который к этому времени уже пять лет работал над романом «Ночь нежна». Однако потом она еще примерно три месяца, до середины мая, вносила в текст и существенные, и мелкие поправки.

Роман «Спаси меня, вальс», несомненно, в большой степени автобиографический, но это не автобиография, в меньшей степени он документальный, но это и не документальная проза. На самом деле Зельда, используя события из собственной биографии, атмосферу реальной эпохи и фантазии о возможном варианте своей жизни, предприняла попытку осмыслить взаимоотношения женщины и того времени. На фоне жизни артистических кругов Нью-Йорка и Парижа после Первой мировой войны иногда абсолютно точно, а иногда с точностью до наоборот (особенно в последней части романа) отображена жизнь легендарной четы, и, словно на авансцене, любит, мучается, набирается мудрости мятущаяся американка из южного штата. Зельде Фицджеральд удалось создать, как мне кажется, самый удачный женский литературный автопортрет в истории американской литературы, который, не исключено, повлиял на Маргарет Митчелл, когда она создавала свою знаменитую южанку Скарлетт О'Хара.

О романе «Спаси меня, вальс» довольно много спорят в западной критике, выясняя, насколько самостоятельно творение Зельды Фицджеральд. Не утихают бесконечные дискуссии о том, какую роль сыграл Ф.С. Фицджеральд в «доводке» единственного романа своей жены. Надо сказать, что сохранилось кое-что из его переписки на сей счет, причем переписки в высшей степени противоречивой. То ему нравится роман, и он считает его настоящей удачей Зельды, то вдруг высказывается категорически против его художественных достоинств. Известно его утверждение, что все изменения, внесенные в текст по требованию издательства, были сделаны исключительно самой Зельдой Фицджеральд. Правда, он оговаривает и то, что давал ей советы. Но, с другой стороны, ходят слухи, что и она давала ему советы...

Мне привелось перевести несколько рассказов самого Фицджеральда, и, конечно же, я внимательно читала его прозу. Перечитывала его и в последнее время, поддавшись желанию найти ответ на возникающий у всех вопрос: был он соавтором своей жены или не был? Должна сказать, что эти два прозаика говорят как будто на разных языках, используют разную лексику, да и способы построения фразы и ее энергетическое наполнение у них совершенно разные. Несомненно, что роман «Спаси меня, вальс» из числа так называемых первых романов начинающих авторов, которые вкладывают в эти романы *весь* свой жизненный опыт, как правило, перенасыщая их информацией и эмоциями в ущерб остальным компонентам. Скорее всего роль опытного Ф.С. Фицджеральда в редактировании этого произведения как раз и заключалась в том, чтобы предостеречь Зельду от этой ошибки.

Зато выправить положение с главным героем романа ему не очень-то удалось, и художник Дэвид Найт, муж Алабамы, очень бледный персонаж, по собственному определению Фицджеральда, и в общем-то он не стал живее, выразительнее, глубже в окончательном варианте, во всяком случае, не стал вровень с Алабамой и даже с некоторыми второстепенными персонажами после редактуры, хотя у Зельды, судя по всему, было желание не только изобразить своего мужа, но и сделать его образ как можно более привлекательным (наверное, в этом состояла ее ошибка). Подобно многим первым романам, «Спаси меня, вальс» перегружен языковыми «украшениями», а также не очень-то известными широкой публике понятиями... Как говорится, «словечка в простоте не скажут».

Как бы то ни было, и сегодня роман Зельды Фицджеральд востребован, его постоянно перепечатывают, он находит все новых читателей и почитателей. А несчастливая счастливица Зельда Фицджеральд, не сумевшая обрести покой в собственной жизни, все же подарила его своему литературному отражению – Алабаме Найт.

Посвящается Милдред Сквайерс

*Если когда-либо горя нависшего
Черную тучу вы мощно развеяли —
Боги родные, придите и ныне!¹*
Софокл. Царь Эдип

¹ Перевод Ф. Зелинского.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

I

– Ох уж эти девчонки, – говорили в округе, – творят невесть что, будто им всё нипочем.

А нипочем потому, что девчонки верили в своего надежного отца. Для них он был как живая крепость. Большинство людей выигрывают жизненные битвы с помощью компромиссов, возводят неприступные башни благодаря смиренному здравому смыслу, строят философские мосты из отречения от эмоций и из ожогов, достающихся мародерам от бурлящего кипятка незрелых чувств. В своих воззрениях Судья Беггс укрепился, будучи еще очень молодым: его башни и часовни сооружались из интеллектуального материала. Насколько было известно его близким, он не оставил ни одной тропинки, и к его крепости не могли подойти ни приятель-пастух, ни воинственный барон. Однако именно эта неприступность обернулась брешью в его блистательном облике, и это, возможно, не позволило ему стать значительной фигурой в национальной политике. То, что в штате милостиво принимали его превосходство, помешало детям приложить необходимые усилия для создания собственных цитаделей. В жизненном цикле поколений достаточно одного господина, способного поднять их существование над бедами и болезнями, обеспечив выживание потомству этого господина.

Один сильный человек может стать подпоркой для многих, отбирая для своих чад такие пожертвования в натурфилософию, которые обретали для его семьи видимость некоей цели. Когда дети из семьи Беггсов научились принимать насущно необходимые перемены своего времени, проклятый старик² уже уселся им на шею. Прихрамывая от тяжести, они вцепились в крепостные башни своих пращуров, обнесли забором свое духовное наследство – которого могло бы остаться больше, если бы они подготовили соответствующее хранилище.

Школьная подружка Милли Беггс говорила, что в жизни не видала более беспокоящих младенцев. Если им что-то приспичивало, Милли либо сама выполняла их требования, либо звала врача, чтобы он обуздал жестокий мир, который был недостаточно хорош для ее исключительных деток. Немного получив от отца, Остин Беггс работал день и ночь в лаборатории своего мозга, чтобы ни в чем не отказывать семье. Волей-неволей Милли приходилось самой в три часа ночи брать на руки малышей и тихонько петь им или трясти погремушками, чтобы происхождение «Кодекса Наполеона» не улетучилось из головы ее мужа. А он говорил без тени улыбки: «Я возведу для себя крепостной вал с колючей проволокой наверху и пушу вокруг диких зверей, чтобы никого из этих хулиганок не видеть и не слышать».

Остин любил девочек Милли с беспристрастной нежностью, анализируя свои чувства, как это свойственно мужчинам, занимающим высокое положение, если они имеют дело с напоминанием о своей юности, с памятью о далеком прошлом, когда они еще предпочитали набираться опыта, а не стали творением обретенных житейских познаний. Что это значит, легко понять, уловив сердечные ноты в бетховенской «Весенней» сонате. Наверное, Остин был бы ближе к семье, не похорони он единственного сына, совсем еще маленького. Уйдя в неистовое оплакивание своей потери, Судья как будто бежал от разочарования. Мужчинам и женщинам дано разделить поровну лишь финансовые трудности, однако как раз именно их Судья и взвалил на Милли. Швырнув ей на колени счет за похороны мальчика, он крикнул душераздирающе: «Ради Бога, как, по-твоему, я смогу это оплатить?!»

² Имеются в виду искусственные цели. Намек на старика, усевшегося обманом на шею Синдбада-Морехода, и тот никак не мог скинуть этого мучителя. (См. арабские сказки «Тысяча и одна ночь».) – *Здесь и далее примеч. пер.*

Никогда особенно не приближавшаяся к реальной жизни, Милли не сумела примирить эту мужскую жестокость со своим представлением о справедливости и благородстве. С тех пор она больше не пыталась составить объективное суждение о людях, но, замечая в первую очередь все их несовершенства, она все же заставила себя быть преданной им и таким образом достигла едва ли не ангельской гармонии в своей жизни.

– Возможно, у меня плохие дети, – сказала она как-то подруге, – но я этого не замечаю.

Накопленные представления о непримиримых противоречиях в характере человека научили Милли мысленно переключаться, этот трюк она освоила после рождения последнего ребенка. Когда Остин, впадая в ярость из-за косности современной цивилизации, метал над ее терпеливой головкой громы и молнии своего разочарования, неверия в человечество и денежных затруднений, она тут же переносила возникшее раздражение на простуду Джозанны или вывихнутую лодыжку Дикси, преодолевая все жизненные невзгоды с блаженной скорбью греческого хора.

Оказавшись перед лицом реальной нищеты, Милли погрузилась в стоический непоколебимый оптимизм, отчего сделалась недостижимой для бед, преследовавших ее до самой старости.

Взращенная мистическим духом негритянских мамок, семья, как наседка, холила и опекала девочек. Когда же они стали взрослеть, из-за скандалов по поводу каждого истраченного без спросу лишнего цента, трамвайной поездки на природу, пакетика мятных лепешек, Судья стал для них карающим органом, неумолимой Судьбой, могущественным законом, установленным порядком, дисциплиной. Молодость и старость: гидравлический фуникулер, с возрастом теряющий силу напора, но не желающий сдаваться. Повзрослевшие девочки искали у матери передышки от нотаций по поводу их девичьих капризов, как искали бы тенистую рощу, чтобы спастись от ослепительного света.

Скрипит крыльцо, светящийся жук с яростью поворачивает к цветкам клематиса, насекомые роем устремляются к золотистым гибельным светильникам в холле. Тени влажно касаются южной ночи, будто тяжелые мокрые швабры, возвращая ей жаркую черноту. Меланхоличный луноцвет выставляет темные жадные лапы над веревочными шпалерами.

– Расскажи, какой я была, – требует самая младшая дочь, прижимаясь к матери, чтобы ощутить ее близость.

– Ты была хорошей.

Девочке не хватало знаний про саму себя, ведь она родилась слишком поздно, когда из отношений родителей уже исчезли страсть и азарт и дочь уже не столько дочь, сколько некое отвлеченное понятие. А ей хотелось знать, какая она и на кого похожа, так как была слишком маленькой и еще не понимала, что она ни на кого не похожа и должна облечь свой скелет в то, что идет изнутри, как генерал, который может воссоздать битву, отмечая продвижения и отступления разноцветными булавками. К тому же ей было неизвестно, что каждое из ее усилий помогало ей стать самой собой. То, что ее скупой отец способен лишь на ограничения, Алабама поняла гораздо позже.

– А я плакала по ночам? Кричала так, что ты и папа желали мне смерти?

– Чепуха! Все мои дети были замечательные.

– И бабушкины тоже?

– Думаю, да.

– А почему она прогнала дядю Кэла, когда он вернулся с Гражданской войны?

– Твоя бабушка была странной старой дамой.

– И Кэл был странным?

– Да. Когда он приехал, бабушка послала сказать Флоренс Фетер, мол, если она собирается ждать ее смерти, чтобы выйти замуж за Кэла, то пусть Фетеры имеют в виду: Бегсы имеют обыкновение жить долго.

– Она была очень богатой?

– Нет. Дело не в деньгах. Тогда Флоренс сказала, что с матерью Кэла может ужиться разве что дьявол.

– И Кэл не женился на ней?

– Нет. Бабушки всегда умеют настоять на своем.

Мама засмеялась – это был смех барышника, который рассказывает о своих удачах, как бы извиняясь за скопидомство, смех одного из членов семьи-победительницы, которая в вечном соперничестве одержала верх над другой семьей-победительницей.

– Будь я дядей Кэлом, ни за что не потерпела бы такое, – возмутилась малышка. – Я бы сделала то, что хотела, с мисс Фетер.

Глубокий поставленный голос отца подчиняет тьму последним диминуэндо³: пора спать.

Закрывая ставни, отец прячет некоторые особенности своего дома: и вот пронизанные солнечными лучами занавески с оборками начинают волноваться, складки колышутся, как косматая садовая изгородь, вокруг цветочков на ситце. В сумерках нет ни теней, ни искаженных очертаний мебели, зато комнаты становятся смутными серыми мирами. Зимой и весной дом похож на прекрасное сияющее отражение в зеркале. И тогда не имеет никакого значения то, что стулья разваливаются, а в коврах появляется все больше дыр. Дом становится как безвоздушное пространство, заполненное цельной натурой Остина Беггса. Как сверкающий меч, он покоится ночью в ножнах своего усталого благородства.

Жестяная крыша трескается в жару; внутри духота, как в закупоренной вентиляционной шахте. Во фрамуге над одной из дверей в верхней зале нет света.

– Где Дикси? – спрашивает отец.

– Гуляет с друзьями.

Почувствовав, что мать чего-то не договаривает, девочка придвигается к ней поближе, наслаждаясь своим участием в семейных делах.

«У нас что-то происходит, – думает она. – Как интересно быть семьей».

– Милли, – не успокаивается отец, – если Дикси опять болтается по городу с Рэндольфом Макинтошем, пусть катится вон из моего дома.

У отца от ярости трясется голова, с носа падают очки. Мама бесшумно ступает по теплым коврам своей комнаты, а девочка лежит в темноте, гордясь тем, что она тоже причастна к жизни семьи. Прямо в батистовой ночной сорочке отец отправляется вниз ждать старшую дочь.

Над кроватью младшей витает аромат спелых груш, доносящийся из сада. Где-то вдалеке оркестр репетирует вальс. Все белое сияет в темноте – белые цветы и брусчатка. Подобно серебряному веслу, луна в оконном стекле, наклонясь к саду, рассекает густой туман. Мир кажется моложе, чем на самом деле, ну а девочка ощущает себя старой и мудрой, у нее свои проблемы, она борется с ними как со своими собственными, а не унаследованными от предков. Но пока всё сверкает и цветет. Девочка важно исследует жизнь, словно ходит по диковинному саду, воображая, что вокруг не скучные ухоженные газоны. Она презирует упорядоченные посадки, она верит, что есть некий сказочный садовник, который приносит сладко пахнущие цветы с самых неприступных гор и расцветающие ночью плющи – с каменных пустошей, это он сажает дыхание сумерек и холит ноготки. Ей хочется, чтобы жизнь была легкой и наполненной приятными воспоминаниями.

В раздумья девочки вторгаются романтические мысли о beau⁴ ее сестры. У Рэндольфа перламутровое изобилие волос, отсвет которых ложится на его лицо. Когда в ночном смя-

³ Постепенное ослабление силы звучания.

⁴ Кавалер, поклонник (*фр.*).

тении она размышляет о своих чувствах и своем отношении к красоте, ей кажется, что она такая же, только изнутри. И о Дикси она думает с волнением, как о себе самой, но взрослой, отделенной от нее теперешней, преображенной временем, это как увидеть вдруг свою дочерна загоревшую руку, и не поймешь сразу, что она твоя, если не заметишь, как она коричнедела. И влюбленность сестры она тоже присваивает себе. От пережитого возбуждения на нее нападает сонливость. Алабама постепенно забывается в своих слабеющих грезах. Она спит. Луна ласкает лучами ее загорелое личико. Во сне девочка взрослеет. В один прекрасный день она откроет глаза и увидит, что растения в горных садах – это в основном грибы, которым не требуется забота, а белые диски, наполняющие ночь своим ароматом, в сущности не цветы, а результат эмбрионального роста; а став еще старше, будет с чувством горечи бродить по геометрически ровным тропинкам философа классицизма Ленотра⁵, а не по туманным дорожкам между грушевыми деревьями и клумбами с ноготками из своего детства.

Алабама никогда не могла понять, отчего просыпалась по утрам. Глядела кругом, осознавая, какое у нее бессмысленное лицо, словно бы укрытое мокрым баннным полотенцем. Потом она с усилием приходила в себя. На неподвижном, как туго натянутая сетка, лице блестящие живые глаза пушистого дикого зверька, попавшего в коварно распахнутую ловушку. Лимонно-желтые волосы льнули к спине, невидимые. Одеваясь, чтобы идти в школу, Алабама позволяла себе много лишних жестов, приглядываясь к своему телу. Падая на безмятежный Юг школьный бемольный звонок, напоминая позвякивание бакена на заглушающей всякие звуки беспредельности моря. На цыпочках она шла в комнату Дикси и красила щеки ее румянами.

Ей говорили: «Алабама, у тебя на лице румяна». А она отвечала: «Я терла лицо щеткой для ногтей».

Дикси вполне соответствовала всем требованиям младшей сестры; в ее комнате чего только не было; повсюду лежали шелковые штучки. Спичечница с «Тремя Обезьянками» стояла на каминной полке. «Темный цветок», «Гранатовый дом», «Свет погас», «Сирано де Бержерак» и иллюстрированное издание «Рубайят»⁶ располагались между двумя гипсовыми «Мыслителями»⁷. Алабама знала, что «Декамерон» спрятан на верхней полке комода – она уже читала рискованные страницы. Над книжками гибсоновская⁸ девушка, целящаяся шляпной булавкой в мужчину через увеличительное стекло; парочка медвежат, блаженствующих на беленьких качелях. У Дикси была розовая нарядная шляпа, аметистовая брошка и электрические щипцы для волос. Ей уже исполнилось двадцать пять лет. Алабаме исполнится четырнадцать в два часа ночи четырнадцатого июля. Другой сестре – Джоанне – было двадцать три, но Джоанна жила отдельно; впрочем, она была такой обыкновенной, что ничего не менялось оттого, жила она дома или не жила.

Как обычно с легкой опаской, Алабама съехала вниз по перилам. Иногда ей снилось, будто она падает с перил, но все же спасается, оказавшись верхом на перилах самой нижней лестницы – скользя вниз, она заново переживала испытанные во сне чувства.

Дикси уже сидела за столом, отрешенная от мира, словно бы бросая ему тайный вызов. На подбородке и на лбу у нее выступили красные пятна, потому что она плакала. Лицо то вздувалось, то опадало в разных местах, как кипятик в кастрюле.

⁵ Имеется в виду Андре Ленотр (1613–1700) – французский архитектор и создатель регулярных садов, в том числе в Версальском дворцовом ансамбле.

⁶ «Темный цветок» – роман Джона Голсуорси, «Гранатовый дом» – сборник сказок Оскара Уайльда, «Свет погас» – роман Редьярда Киплинга, «Рубайят» – стихи Омара Хайяма.

⁷ Вероятно, речь идет о фигурке из каменного века, которую ученые назвали «Мыслитель», и о скульптуре «Мыслитель» Огюста Родена.

⁸ Идеальная американка 90-х годов XIX века: полногрудая красавица с тонкой талией и высокой прической. Этот образ был создан художником Чарлзом Гибсоном (1867–1944).

- Я не просила, чтобы меня рожали, – заявила Дикси.
- Остин, она ведь уже взрослая женщина.
- Этот человек – пустышка и бездельник. Он даже не разведен.
- Я сама зарабатываю себе на жизнь и делаю что хочу.
- Милли, его ноги больше не будет в моем доме.

Алабама сидела очень тихо, предвкушая эффектный протест против отцовского вмешательства в романтическую историю. Но ничего необычного не происходило, разве что выжидательное спокойствие самой Алабамы.

Солнце сверкало на резных серебристых листьях папоротника и на серебряном кувшине для воды, и Судья Беггс шагал по бело-голубому полу в свой кабинет, где ему было отмерено много времени и много пространства – и ничего больше. Алабама слышала, как остановился на углу под розово-пурпурными катальпами трамвай и как ушел Судья. Без него солнечный свет заиграл на папоротниках совсем в другом, вольном ритме; дом Судьи подчинялся воле хозяина.

Алабама смотрела на ветви плюща «камписиса», обвившего задний забор, было очень похоже на бусы из коралловых обломков, только нанизанных на стебель. Утренняя тень под мелией была такой же хрупкой и надменной, как утренний свет.

- Мама, я больше не хочу ходить в школу, – задумчиво проговорила Алабама.
- Почему?
- Я и так все знаю.

Мать воззрилась на дочь в слегка враждебном изумлении; но девочка, не желая продемонстрировать свои чувства, отвернулась к сестре.

- Как ты думаешь, что папа сделает с Дикси?

– Ах, ради Бога! Не забивай свою хорошенькую головку вещами, которые тебя пока не касаются, если, конечно, тебя это действительно волнует.

– Будь я на месте Дикси, ни за что не позволила бы ему вмешиваться. Мне нравится Дольф.

- В этом мире нельзя иметь всё, что хочется. А теперь беги, не то опоздаешь в школу.

Вспыхнув жарким пульсирующим огнем щек, школьный класс оттолкнулся от больших квадратных окон, чтобы прибиться взглядом к унылой литографии с изображением сцены подписания Декларации независимости. Медлительные июньские дни прибавляли солнечного света на далекой доске. Белые катышки от стирающих ластиков взвивались в воздух. Отросшие волосы, зимний серж, осадок из чернильниц мешали еще не распалившемуся лету, прорывавшему белые туннели под деревьями на улице и отпарившему окна головокружительным жаром. Заунывно-напевные негритянские голоса нарушали тишину.

- Покупайте помидоры, красные вкусные помидоры! Овощи, берите овощи!

На мальчиках были зимние длинные черные чулки, отливавшие на солнце зеленью.

Алабама вписала «Рэндольф Макинтош» под «Дебаты в Афинской ассамблее». Взяла в кольцо фразу: «Все мужчины были немедленно преданы смерти, а женщины и дети проданы в рабство». Раскрасила губы Алкивиаду и сделала ему модную прическу, закрыв на этом «Древнюю историю» Майера⁹. Ее мысли были заняты совсем не книгой. Как это у Дикси получается быть такой легкой и всегда готовой ко всяким неожиданностям? Алабама подумала, что сама никогда и ни на что не решится с бухты-барахты – она никогда не сможет жить в состоянии постоянной готовности. По мнению Алабамы, Дикси воплощала идеально подходящий для жизни инструмент.

⁹ В «Записных книжках» Скотта Фицджеральда есть такая запись: «Начало плохого образования – из «Древней истории» Майера и особого внимания к римским колоннам».

В городской газете Дикси вела колонку светской жизни. Едва она приходила со службы, телефон начинал звонить и звонил непрерывно до самого ужина. Ее воркующий жеманный говорок не умолкал и словно сам прислушивался к своему звучанию.

– Не могу сейчас сказать...

Потом слышалось долгое медленное бульканье, как бульканье воды в ванной.

– Ну, скажу, когда увидимся. Нет, сейчас не могу.

Судья Беггс лежал на жесткой железной кровати и перебирал пачки желтеющих газет. Весь он, как листьями, был укрыт томами «Анналов британского правосудия» и «Особых случаев в судебной практике» в переплетах из телячьей кожи. Телефон мешал ему сосредоточиться.

Судья знал, когда звонил Рэндольф. Через полчаса он ворвался в холл, и его голос дрожал от едва сдерживаемого негодования.

– Если ты не можешь говорить, зачем тянешь эту волюнку?

Судья Беггс бесцеремонно выхватил у дочери трубку. В его голосе звучала беспощадность, схожая с беспощадностью рук таксидермиста, работающего над чучелом.

– Буду весьма вам признателен, если вы раз и навсегда перестанете встречаться с моей дочерью и звонить ей.

Дикси заперлась в своей комнате, два дня не выходила оттуда и ничего не ела. Алабама наслаждалась своим участием в семейной драме.

– Мне хотелось бы, чтобы Алабама танцевала со мной на «Балу красавиц», – телеграммой сообщил Рэндольф.

Матери было невозможно устоять перед слезами своих детей.

– Зачем волновать отца? Ты бы могла договариваться обо всем вне дома, – успокаивала она дочь.

Безграничное и противозаконное великодушие матери было вскормлено многими годами сосуществования с неопровержимо логичным, блестящим Судьей. При такой жизни женская терпимость не играла никакой роли и ничем не могла помочь материнским чувствам. Достигнув сорока пяти лет, Милли Беггс стала анархисткой – в своих эмоциях. Таким образом она доказывала себе, что ей самой тоже необходимо выжить. Заложеными в ней противоречиями она как будто отстаивала свое право на тот образ жизни, которого так жаждала. Остину нельзя было умирать и болеть, ведь у него трое детей, и нет денег, и скоро выборы, у него страховки и каждый шаг в согласии с законом; тогда как Милли чувствовала, что, будучи не настолько важной нитью в рисунке ткани, она может позволить себе и то и другое.

Алабама опустила в почтовый ящик письмо, которое Дикси написала по совету матери, и они встретились с Рэндольфом в кафе «Тип-Топ».

Плывя по реке своего отрочества, Алабама часто попадала в водовороты юношеского максимализма и потому интуитивно не принимала «намерений», соединивших ее сестру и Рэндольфа.

Рэндольф писал репортажи для газеты Дикси. Его мать приютила свою маленькую внучку в некрашеном доме на окраине города возле тростниковых зарослей.

В мимике и в глазах Рэндольфа никогда не отражалось его душевное состояние, словно телесное существование само по себе было самым замечательным из всего для него возможного. Его главным занятием была вечерняя школа танцев, и Дикси поставляла ему учеников – как и его галстуки, которые тоже служили этой цели (да, впрочем, и все остальное), следовательно, их надо было правильно подобрать.

– Солнышко, надо класть нож на тарелку, если он не нужен, – сказала Дикси, пытаясь переплавить его личность в печи своего социального круга.

Никогда нельзя было понять, слышал ли он ее, хотя вид у него всегда был такой, словно он к чему-то прислушивался – наверное, к долгожданной серенаде эльфов или невероятному сверхъестественному намеку относительно его социального положения в солнечной системе.

– Я хочу фаршированные помидоры и картошку au gratin¹⁰, еще кукурузу и оладьи, и шоколадный крем, – нетерпеливо перебила ее Алабама.

– Боже мой!.. Ладно, Алабама, поставим «Балет часов»¹¹, я надену штаны арлекина, а ты – тарлатановую¹² юбочку и треуголку. Сможешь за три недели придумать танец?

– Конечно. Несколько па возьму из прошлогоднего карнавала. Будет вот так. – Алабама двумя пальцами показала на столе замысловатое движение. Потом, прижав один палец к столу, чтобы обозначить место, она широко растопырила другие пальцы и показала еще раз. – А заканчивается вво-о-о-отт так! – крикнула она.

Рэндольф и Дикси не сводили с девочки недоверчивых взглядов.

– Очень мило, – нерешительно проговорила Дикси, поддавшись энтузиазму сестры.

– Можешь шить костюмы, – пылая собственническим восторгом, подвела итог Алабама.

Мародерша, радуясь любому поводу поиграть, она хватала все, что было под рукой, не чураясь ни сестер, ни их возлюбленных, ни представлений, ни доспехов. Все годилось для импровизаций изменчивой беспрестанно девицы.

Каждый день Алабама и Рэндольф репетировали в старой аудитории, пока в ней не становилось темно от пыли, а деревья снаружи не начинали казаться яркими и влажными, как будто их омыл дождь или они вышли из-под кисти Паоло Веронезе. Из этой самой залы первый алабамский полк ушел на Гражданскую войну. Узкий балкон провис на железных столбах, да и в полу зияли дыры. Лестница спускалась вниз и шла через городские рынки: плимутроки¹³ в клетках, рыба, ледышки из лавки мясника, гирлянды негритянских башмаков и куча солдатских шинелей. Взбудораженная Алабама жила ради одного мгновения в мире якобы профессиональных секретов.

– Алабама унаследовала от матери чудный румянец, – обменивались впечатлениями влиятельные зрители, наблюдая за ее вращениями по кругу.

– Я терла щеки щеткой для ногтей! – вопила Алабама со сцены.

Алабама всегда так отвечала, когда речь заходила о ее румянце; и пусть это не всегда было убедительно и уместно, но что было то было.

– У девочки талант. Его надо развивать.

– Я сама все придумала, – слегка приврала Алабама.

Когда после финальной сцены упал занавес, она услышала аплодисменты, напоминавшие грохот городского транспорта. На балу играли два оркестра; губернатор возглавлял танцевальное шествие. После танца Алабама стояла в темном коридоре, который вел в артистическую уборную.

– Я забыла одну фигуру, – прошептала она выжидающе. Жаркое волнение, вызванное представлением, выплескивалось теперь наружу.

– Ты была великолепна, – рассмеялся Рэндольф.

Девочка повисла на этих словах, как платье на вешалке в ожидании хозяйки. Потворствуя ей, Рэндольф стиснул ее длинные руки и коснулся губами девчоночьих губ, но при

¹⁰ В сухарях (*фр.*).

¹¹ Возможно, балет «Симфония “Часы”» на музыку Гайдна, или «Танец часов» из оперы «Джоконда» Амилькаре Понкелли. Или собственная выдумка Алабамы Бегтс.

¹² Из сильно накрахмаленной кисеи.

¹³ Порода кур.

этом был похож на моряка, высматривающего на горизонте мачты других кораблей. Алабама же приняла этот поцелуй как свидетельство того, что доросла до такого знака доблести – много дней она ощущала его на своем лице, всякий раз, когда ее охватывало волнение.

– Ты ведь уже почти взрослая, правда? – спросил он.

Алабама не разрешила себе обдумать другие варианты, предпочитая те грани своего «я», в которых уже проявлялась женщина, пригрезившаяся ей за его спиной благодаря поцелую. Усомниться в собственной взрослости означало поколебать уверенность в себе. Она испугалась; ей казалось, что ее сердце одиноко бредет само по себе. Так и было. Так бывает со всеми. Волшебство закончилось.

– Алабама, почему бы тебе не вернуться в залу?

– Я никогда не танцевала. Мне страшно.

– Ты получишь доллар, если станцуешь с молодым человеком, который поджидает тебя.

– Ладно. А что если я упаду или он упадет из-за меня?

Рэндольф представил ее юноше. Все сошло вполне благополучно, только на поворотах кавалер вел ее не очень уверенно.

– Вы такая красивая, – сказал он. – Я думал, вы не из нашего города.

Алабама сказала, что он может как-нибудь прийти к ней в гости, потом была дюжина других, а потом она обещала рыжему мужчине, который скользил по полу так, будто снимал пенки с молока, поехать с ним в Загородный клуб. Прежде она даже вообразить не могла, каково это – назначить свидание.

На другой день, когда она умылась, от косметики не осталось и следа. Алабама расстроилась. Только запасы Дикси могли ее выручить – замаскировать для назначенных рандеву.

Окуная край утренней газеты в чашку с кофе, Судья читал подробный отчет о «Бале красавиц». «Талантливая мисс Дикси Беггс, старшая дочь Судьи и миссис Остин Беггс, – писала газета, – приложила много стараний для успеха предприятия, выступив в качестве импресарио своей не менее одаренной сестры, мисс Алабамы Беггс, и воспользовавшись помощью мистера Рэндольфа Макинтоша. Танец был потрясающей красоты, и исполнение было великолепным».

– Если Дикси думает, что ей дозволено превратить мой дом в бордель, она больше мне не дочь. Не хватало только, чтобы ее выставляли в газетах этакой козой отпущения для здешних вульгарных сборищ! Моим детям следует уважать мое имя. Это все, что у них есть, – взорвался Судья.

Ничего подобного Алабама прежде от отца не слышала. Утратив из-за своего блестящего ума надежду на нормальное общение, Судья жил сам по себе, потихоньку мирно развлекаясь за счет юридического сообщества, требуя только должного почтения к его отшельничеству.

Днем пришел Рэндольф, чтобы попрощаться.

Скрипнула дверь, и «Дороти Перкинс»¹⁴ сразу потемнела в облаке солнечной пыли. Усевшись на крылечке, Алабама стала поливать газон из нагретого шланга, поливая заодно и платье. Ей было грустно, ведь она рассчитывала, что при удобном случае опять поцелует Рэндольфа. Как бы то ни было, решила Алабама, тот поцелуй она постарается запомнить на многие годы.

Дикси не отрывала глаз от пальцев Рэндольфа, словно ждала, что он возьмет ее за руку и уведет на край земли.

¹⁴ Сорт роз.

– Может быть, ты вернешься, когда получишь развод? – услышала Алабама дрожащий голос сестры.

Взгляд Рэндольфа был отягощен окончательностью решения, даже розы не могли его смягчить. А голос звучал твердо и четко.

– Дикси, – проговорил он, – ты научила меня пользоваться ножом и вилкой, танцевать и выбирать костюмы, но я бы не пришел в дом твоего отца, не приведи меня сюда Иисус. Для твоего отца все плохо.

Наверняка не пришел бы. Алабама уже знала, если в разговоре поминают Спасителя, не жди ничего хорошего. Память о первом поцелуе улетучилась вместе с надеждой на его повторение.

Обычно наманикюренные, ногти на руках Дикси стали желтыми, да и румяна были небрежно нанесены на щеки. Она бросила работу в газете и устроилась в банк. Алабаме досталась ее розовая шляпа, а красивую заколку кто-то раздавил. Когда Джоанна вернулась домой, комната оказалась до того грязной, что ей пришлось призвать на помощь Алабаму. Дикси копила деньги. За год она не купила ничего, кроме репродукций центральных фигур из «Весны» Боттичелли и немецкой литографии «Сентябрьского утра»¹⁵.

Фрамугу над дверью Дикси заклеила картоном, чтобы отец не знал о посиделках за полночь. Подруги появлялись и исчезали. Когда Лора как-то осталась на ночь, все испугались, как бы не подхватить туберкулез; у золотоволосой и лучезарноглазой Пола отец выступал за смертную казнь; у прелестной и злой Маршалл было много врагов и плохая репутация; когда же Джесси проделала долгий путь из самого Нью-Йорка, то отослала чулки в химчистку. Во всем этом было что-то непристойное на вкус Остина Беггса.

– Не понимаю, – говорил он, – почему моя дочь выбирает себе подруг из всякой грязи.

– Это как посмотреть, – возражала Милли. – Иногда грязь может оказаться весьма ценной.

Подруги Дикси читали друг дружке вслух. Сидя в маленькой белой качалке, Алабама внимательно слушала, перенимая их элегантность и мысленно составляя каталог вежливых смешков, которые они перенимали друг у друга.

– Она не поймет, – повторяли они, глядя на девочку с неведомо откуда взявшимися англосаксонскими глазами.

– Не поймет чего? – любопытствовала Алабама.

Зима задыхалась в девичьих рюшах. Дикси плакала, когда какому-нибудь мужчине удавалось добиться от нее свидания. А весной прошел слух о смерти Рэндольфа.

– Ненавижу жизнь, – в истерике кричала Дикси. – Ненавижу, ненавижу, ненавижу! Если бы я могла выйти за него замуж, этого не случилось бы.

– Милли, вызови врача!

– Ничего серьезного, Судья Беггс, у нее немного сдали нервы, – сказал доктор. – Не волнуйтесь.

– Не могу больше терпеть все эти ваши эмоции, – заявил Остин.

Дикси поправилась и нашла работу в Нью-Йорке. Прощаясь с родными, она плакала и не выпускала из рук букетик анютиных глазок. В Нью-Йорке она поселилась на Мэдисон-авеню вместе с Джесси и встречалась со всеми, кто приезжал из родного города. Работу ей подыскала Джесси – в той же страховой фирме, в которой работала сама.

– Мама, я хочу поехать в Нью-Йорк, – сказала Алабама, когда они читали письма Дикси.

– Это еще зачем?

– Чтобы мной никто не командовал.

¹⁵ Картина Поля Шаба (1869–1937).